

ЧТО ПИШУТ СВЕЖИЕ ГАЗЕТЫ ПУШКИНСКИХ ВРЕМЕН (1799-1810)

С чего начинается история литературы? По мнению Эдуарда Григорьевича Бабаева (1927-1996), всякая история, в том числе и история литературы, начинается с имен и дат, то есть с восстановления летописи, хронологического ряда событий, «История литературы заглядывается на звезды, а хронология смотрит под ноги», — писал он. Однако «без этой простейшей основы нет и не может быть никакой истории. Все приходит потом, но сначала даты и имена в хронологическом порядке».

Э. Бабаев предполагал создать летопись пушкинской эпохи в том объеме, в каком хроника событий открывается при медленном чтении современных Пушкину газет. Что волновало русское общество в тот день, когда родился Пушкин? Как интерпретировались газетчиками события, впоследствии отразившиеся в автобиографических записках Пушкина? В статье, которая предлагается вниманию читателей, автор рассказывает о том, что писали газеты времен пушкинского детства (1799-1810), помещая это десятилетие в широкий контекст сенсаций и рутинных сообщений, слетавших с полос свежей прессы в эту эпоху.

1. 26 МАЯ 1799 ГОДА

Пушкин родился 26 мая (ст. ст.), в четверг, в день Вознесенья Господня.

Была весна. В Санкт-Петербурге на рейде стояли корабли под шведскими, британскими, немецкими и американскими флагами. И ни одного корабля из Франции.

Во Франции по новому, революционному календарю был Флореаль. И шла война. Театром военных действий оказалась Италия. Войска Бонапарта отступали. И фельдмаршал Суворов вел свои полки в Рим.

Парижские газеты сетовали на неудачи: «Армии наши разбиты и рассеяны...» 25 мая капитулировал Милан.

Санкт-Петербургская газета сообщала: «Весь гарнизон выступает 25 мая поутру в 9 часов с музыкою и со всеми военными почестями: все, что сему гарнизону принадлежит, будет препровождено к французским форпостам и там вручено командующему в Италии французской армией генералу...»

26 мая австрийский генерал из резервного корпуса должен был уже разыскивать неприятеля: «Вчера ввечеру должен был выступить в поход весь резервный корпус, чтоб более приблизиться к Авангардам и дать неприятелю баталию на рассвете; но французы отступили ночью так далеко, что генерал Неуендорф приказал сегодня поутру донести его королевскому величеству, что должен искать отступающего неприятеля...»

Император Павел был доволен ходом военных действий. Революция разрушила трон Бурбонов в Париже, Теперь Наполеон Бонапарт угрожал царствующему дому Австрии...

Это была знаменитая короткая война — Итальянский поход Суворова — далекое предвестие грядущих и затяжных наполеоновских войн на полях России и Европы.

Петербург и Москва жили военными известиями.

Успех эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова в Средиземном море был отмечен изданием оды «На случай взятия Корфу».

Москва как всегда много читала. Книжные лавки были завалены новыми книгами.

Здесь были сочинения в старом вкусе, вроде «Вечерних бесед в хижине, сочинение автора Лолоты и Фанфана».

Но здесь были и новейшие сочинения, такие, как «Герман и Доротея» Гете, стихи Г. Р. Державина или альманах Н. М. Карамзина «Аглая».

Открывались новые книжные лавки в Петербурге. Газеты извещали читателей о книгах, только что вышедших из печати.

«На Невском проспекте подле католической церкви против Мамонтовых лавок в книжной лавке под № 3 у книгопродавца Федора Свешникова продаются вновь вышедшие книги: «Сочинения г. Державина, писанные им по разным случаям».

В позднейшей статье «О книжной торговле и любви к чтению в России» Карамзин говорил: «За 25 лет перед сим в Москве было две книжные лавки, которые не продавали в год на 10 тысяч рублей. Теперь их двадцать и все вместе выручают они ежегодно около 200 000 рублей».

«Сколько же в России прибавилось любителей чтения! — восклицает Карамзин. — Это приятно, кто желает успехов разуму и знает, что любовь ко чтению всего более им способствует».

Кажется, что статья Карамзина была началом разговора о Пушкине и его эпохе.

Для детей переиздавались «Путешествия Гулливера», «История разорения Трои», «Робинзон Крузо».

На театре в Москве шла опера Перголези «Служанка-госпожа» и комедия Шеридана «Школа злословия».

Был последний год XVIII века.

Взоры всех обращались в будущее.

В мае 1799 года газеты известили читателей о выходе в свет книги под названием: «Картины просвещения России перед началом девятого на десять века».

А весна была прохладная.

В Петербурге термометр показывал 12-15 градусов тепла по Реомюру.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 25 мая сообщала: «Тихо, перемененно ветрено, ясное небо...»

2. ВОЛЬНООТПУЩЕННИЦА

«Судьба Онегина хранила», — пишет Пушкин о детстве своего героя.

И в детстве Пушкина были некоторые события, в которых чувствуется «рука судьбы».

Еще при Екатерине село Кобринно из обширного имения Осипа Ганнибала было отдано его дочери Надежде «для воспитания».

А когда Надежда Осиповна Ганнибал в 1798 году вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина, было решено имение Кобринно продать.

Сергей Львович Пушкин, офицер гвардии Измайловского полка, вышел в отставку и решил обосноваться своим домом в Москве.

Продажей имения занялась Мария Алексеевна Ганнибалева, бабушка Пушкина, мать Надежды Осиповны.

В стихотворении «Наперсница волшебной старины...» Пушкин называл ее «веселой старушкой»:

...В вечерней тишине Являлась ты веселою старушкой И надо мной сидела в шушуне, В больших очках и с резвою гремушкой.

От нее Пушкин узнал множество семейных преданий и полюбил ее рассказы о старине.

В 1799 году, когда Сергей Львович с женой гостил в имении Осипа Абрамовича Ганнибала в Псковской губернии, Мария Алексеевна направилась в Петербург для продажи Кобринна.

Имения продавались обычно вместе с крепостными.

Газеты были наполнены объявлениями о продаже.

«Псковской губернии в Островском уезде и крекшииском погосте, — говорилось в одном из таких объявлений, — продается деревня Вишлево, в коей на лицо мужского полу 33 души. Желающим купить уведомиться в цене близ Пантелеймоновской церкви противу соляных магазейнов в доме капитана Сударушкина».

Капитан Сударушкин — лицо живое пушкинских времен, фамилия не выдуманная, а взошедшая на страницы газеты собственной волей.

«Сего мая 20 дня, — говорилось в другом объявлении, — от полковника и кавалера Бориса фон Ломана бежали крепостные люди его, Дмитрий Егоров 16 лет и мать его Степанида Прокофьевна 39 лет».

Какие «идиллии» и драмы крепостной поры таятся за этими двумя именами: капитан Сударушкин и полковник фон Ломан!

Но нигде не объявлялось о том, что некоторые владельцы «крещеной собственности» иных из своих крестьян отпускали на волю при продаже недвижимого.

В этом и состоит одно из семейных преданий Пушкиных.

Когда Мария Алексеевна Ганнибалова продавала Кобрينو, она исключила из продажи Арину Родионовну Яковлеву. Арина Родионовна получила вольную, но семьи Пушкиных не покинула.

Она вынянчила Ольгу, а потом стала няней младшего Александра...

В жизни великих людей есть события, которые кажутся «загаданными» самой судьбой.

Так произошла встреча Пушкина с его няней, которую тоже «судьба хранила» от превратностей ее времени.

Когда Пушкин обращался ко дням своего детства, он вспоминал двух старушек: «веселую старушку» Марию Алексеевну и «добрую старушку» Арину Родионовну, которые очень хорошо знали друг друга и нежно любили своего воспитанника Александра.

Иногда и сама Арина Родионовна, когда она брала в руки веретено, казалась воплощением судьбы, чуть ли не самой Паркой, прядущей «нить жизни» от кобринских дней до нынешних. В стихотворении «Зимний вечер» Пушкин пишет о ней:

Или бури завываньем Ты, мой друг, утомлена, Или дремлешь под жужжаньем Своего веретена?

3. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Есть события, которые словно преображаются под взглядом поэта.

Становятся историческими.

Хотя до того никто не счел бы их за события, столь они были обыденны сами по себе.

Павел I часто вступал в пререкания со своими подданными, не только во дворце, но и на улице.

Такой у него был характер: вспыльчивый. Его могла воспламенить любая искра.

Газеты незамедлительно придавали тиснению слова государя, сказанные в порыве истинного благоволения или гнева.

«Его Императорское Величество, — сообщала газета, — объявил свое благоволение генерал-лейтенанту, графу Аракчееву за скорое выступление в поход».

У Павла Петровича была большая опека.

Всюду он хотел поспеть сам.

И часто раздражался на то, что его отвлекают от дел, которые он считал важными, к делам, которые считали важнейшими другие.

А газеты ловили каждое слово, слетавшее с уст строптивного монарха.

«Шляхтенке Быковской, — сообщает другая газета, — утруждавшей Его Императорское Величество просьбой, в которой, жалуясь на Минского старосту Бреставского в неплатеже им

занятых денег, просит о скорейшем решении дела сего в Сенате, по Высочайшему повелению объявляется, чтобы ожидала решения в очередь».

Павел любил порядок.

И не терпел нарушения оного со стороны кого бы то ни было, невзирая на лица.

В поле его зрения попадали и самые малые из его подданных, и те, что едва встали на ноги.

Так, однажды в Юсуповом саду он увидел малыша в картузе.

Малыш не знал, что стоит перед царем, и взирал на Павла Петровича без всякого трепета.

Чем-то этот малыш привлек внимание царя, который даже остановился перед ним, чтобы «поучить» если не его, то хотя бы его няньку.

Этот малыш был Пушкин.

Павел I приказал снять с его головы картуз.

Александр Пушкин стоял перед царем с непокрытой головой, еще не сознавая, какой урок был ему дан на всю его жизнь.

Урок, которым он так и не воспользовался.

Павел Петрович напрасно журил няньку за нерасторопность.

Это было, по-видимому, на исходе зимы 1800-1801 годов.

Место действия несколько неясно: было ли это в Петербурге или в Москве?

И когда именно: в 1800 или в 1801 году?

И кто была нянька, Арина Родионовна или Ульяна, которая, по словам сестры поэта Ольги Сергеевны, «ходила за Пушкиным» в первые пять лет его жизни?

Но когда бы это и где бы это ни было, встреча маленького Пушкина с царем вошла в семейные предания.

А в легендах и преданиях всегда есть некоторая неясность, которая не поддается «уточнению»...

«Видел я трех царей, — писал впоследствии Пушкин в письме к своей жене Наталье Николаевне: — первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...»

Высочайшая гроза сверкнула, как зарница, над головой Пушкина, «отметила» его еще в младенческие годы.

Это была его первая встреча с царем.

Павла I сопровождала свита. И никто из них не обратил внимания на эту «мгновенную сцену» в Юсуповом саду.

Но когда Пушкин рассказал о ней, она стала ярким событием последних дней царствования Павла I, — он успел увидеть будущего первого поэта России и выразить ему свое неудовольствие.

4. МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК

Все было, как обычно.

Придворная канцелярия объявляла о своей готовности приобрести стреляную дичь: «тетерева полевые — с ноября по май — 75 копеек, с мая по ноябрь — 1 рубль 70 копеек за пару», а «глухие» шли с ноября по май в цене 1 рубль 3 копейки...

Государь в Михайловском дворце диктовал свои приказы, раздавал чины и назначал в должности.

«Его императорское величество в присутствии своем в Михайловском замке, — сообщалось в газете, — соизволил отдать следующие приказы: производятся из подполковников в полковники мушкетерского Хотунцева полку Жемчужников».

Далее следовало известие от статс-секретаря, исполняющего распоряжения императора.

«По высочайшему Его императорского величества повелению Действительный камергер статс-секретарь граф Кутайсов... объявляет, что просьба вдовы Томштица Бетины, «жаловавшейся, что умерший князь Потемкин Таврический завладел жалованным мужу ее

крымским ханом Гиреем при местечке Судак домом и садом», «не заслуживает никакого уважения».

Так как вдова Томштица Бетина никогда не жила в Крыму и никаким домом и садом вблизи Судака не владела...

Все это было совершенно в духе Павла Петровича, который входил во все мелочи и, выяснив вздорность некоторых жалоб и просьб, сообщал свое мнение об оных через газеты.

Но были тут дела и поважнее вздорных претензий Бетины.

В последние годы царствования Павел I склонялся к признанию Бонапарта, объявленного пожизненным консулом. Он уже видел в нем «законного монарха» и обдумывал возможность совместных деяний.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» публиковались телеграммы из европейской дипломатической почты.

24 февраля из Гааги было получено сообщение, что «французские соединенные флоты имеют намерение учинить высадку в Ирландии».

В телеграмме из Брюсселя сообщалось, что «производящиеся повсюду вооружения французского правительства устремлены противу Англии».

В телеграмме из Рима сообщалось: «Сего дня или завтра непременно прибудет сюда из Неаполя курьер с достоверным от Российского министра известием, что англичанам вход в тамошние гавани заперт».

Павел I не скрывал своего интереса к предприятиям и планам Наполеона Бонапарта, не угадывая опасности его движения на восток и слишком доверяя его уверениям в мирных намерениях.

«Во французской армии, — сообщалось в газете, — ходит по рукам небольшое печатное сочинение, в котором представляется ей пример Римских Легионов, кои, по одолении иностранных врагов, еще вяще прославили себя на веки исполнением общепользных предприятий, как то: построением плотин, прокопанием водопроводов, каналов и проч. Думают, что намерение первого консула Бонапартия клонится к тому, чтобы нарочитое число возвращающихся войск употребить на копанье каналов».

А впереди была война.

Великая война России с наполеоновской Францией, которой уже не суждено было увидеть Павлу I.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года он был убит в Михайловском замке.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появился указ, подписанный рукой Александра Павловича, сына и наследника усопшего императора: «Божьей милостию мы Александр Первый, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным подданным нашим, Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного Родителя нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоростижно...»

В указе была названа причина смерти государя: «апоплексическим ударом». Но чувствовалось смятение наследника, который призывал своих подданных «запечатлеть верность их к нам присягою перед лицом всевидящего Бога, прося его, да подаст нам силы к снесению бремени ныне на нас лежащего». «На подлинном подписано собственною Его императорского величества рукою тако: Александр», — сообщали газеты.

У всех на глазах возникла тайна воцарения Александра, разнеслись первые неясные слухи о дворцовом заговоре. Называли имена «бесов», вторгшихся в опочивальню Павла I в Михайловском замке: Я. Ф. Скарятин и другие. Политическая история пушкинских времен начинается дворцовой тайной. У этой тайны было свое имя — Михайловский замок.

В юности Пушкин рисовал в своей оде «Вольность» ее роковые подробности:

Молчит неверный часовой, Опущен молча мост подъемный, Врата отверсты в тьме ночной...

В зрелые годы он расспрашивал современников о событиях, о которых молчали газеты: «Жук.<овский> поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) царевыйцу Скарятину, и заставил его рассказывать 11-ое марта».

5. «ПРОИСШЕСТВИЯ НАТУРЫ»

Это было странное время.

Казалось, что наступили благоприятные дни мира и тишины.

Но горизонт был тревожным.

Какое-то предчувствие витало в воздухе над Петербургом и Москвой; казалось, какое-то смутное и недоброе ожидание таилось в самой природе.

17 августа произошло землетрясение в Швейцарии. «Небольшое землетрясение с подземным шумом».

18 и 19 августа почувствовали землетрясение в Берне.

В сентябре пришли известия из Страсбурга в том же роде: «Вчерашнего числа, с 3 часов утра до вечера, сочтены здесь по меньшей мере 4 удара землетрясения, а некоторые сочли оных и гораздо более».

Первый удар продолжался около минуты.

На другой день во втором часу пополудни послышался второй удар землетрясения, а в 7 часов и 4 минуты последовал гораздо сильнейший удар. Землетрясения сопровождалось «подземным треском».

Все эти события поражали воображение именно тем, что они следовали друг за другом по какой-то общей цепи.

«О чем случившемся столь часто в течение нескольких дней происшествии Натуры, — пишет газета, — которое должно иметь какие-нибудь и ближайшие причины, кроме равенства и равношия, испытатели природы сообщат нам уповательно свои замечания...»

Но испытатели природы ничего уповательного для газет не сообщали.

Между тем обращало на себя внимание то обстоятельство, что «последнее землетрясение простиралось далеко в окружной стране. Удар последовал собственно после подземного стуку и некоторого колебания земли и сопровождается подземным же громом».

14 сентября из Триеста сообщали, что в Германии разразилась страшная гроза, какой и самые старые люди не запомнят. «Казалось, будто бы все стихии соединились к погублению здешнего города. Сперва поднялась чрезвычайная буря, которая сверкала почти непрерывно и сопровождалась весьма сильными громовыми ударами, а за тем последовал сильный град с ливнем».

«Вода поднялась так высоко, что текла ручьями по всем улицам, а в низменных местах вливалась в окошки домов».

«Причиненный наводнением убыток домам, купеческим товарам, древесным плодам, огородным овощам и проч. есть весьма знатен».

Так рассуждал газетчик.

Но не так рассуждали богобоязненные миряне, напуганные всеми этими «происшествиями Натуры».

Различного рода прорицатели предсказывали конец света в начале сентября...

29 августа «поднялся из Везувия густой дымный туман, явление, которое редко остается без последствий. 1 числа сего месяца, то есть 1 сентября, в 2 часа пополудни, чувственно было здесь легкое землетрясение, которое было сильнее в Каире и других местах».

14 сентября произошло землетрясение и в Москве.

По поводу этого события в газете «Московские ведомости» было помещено следующее философическое рассуждение: «Никогда не было в нашем веке эпохи обильнее странными и несчастными приключениями, как теперешние времена. Едва спокойствие стало водворяться

в политическом мире, как увидели мы подверженным физический мир самым ужасным преобразованиям».

Связь между событиями политического и физического мира напрашивалась сама собой.

«Север и юг Европы почти в одно время чрезвычайно много претерпели от страшных бурь, каковым мало видим примеров в Историях».

И вот что казалось особенно удивительным: «Недавно также целые страны, доселе не подверженные землетрясениям, приведены были в страх и трепет внезапным ощущением оных».

Таким было московское землетрясение 1802 года, в котором впоследствии стали видеть как бы предвестие великой опустошительной войны 1812 года. Пушкин, набрасывая план своих воспоминаний, в самом начале поместил название, или тему, особой главы — «Землетрясение».

6. МУЗА ИСТОРИИ

Революция во Франции, казалось, поставила своей целью переменить не только форму правления в древней стране, но и отменить все обычаи народа, унаследованные ею от истории.

Новый год начинался не с 1 января, а с 1 Вандомьера.

В наполеоновские времена многие из этих новшеств стали уже привычными.

«Новый республиканский год празднован здесь третьего дня весело и спокойно, — сообщалось в газете «Московские ведомости». — Ни малейшей недоверчивости и никакие военные меры не нарушали невинных забав».

В Париже уже в 6 часов утра наступление нового года возвестила пушечная пальба, Празднество длилось до вечера, а вечером был концерт. На концерте присутствовал Наполеон. «На нем был мундир национальной гвардии».

Первый консул чувствовал себя повелителем не только современного Парижа, но и мировой истории.

В Клуудском замке его встретили на празднике четыре девочки, одетые в белом. «Кто вы?» — спросил Наполеон. Первая ответила: «Я Слава». Вторая сказала: «Я Победа». Третья повторила, как ее научили; «Я Муза Истории», а четвертая пролепетала; «Я — Бессмертие».

Наполеон был в восторге.

Но Муза Истории — не девочка.

Никогда прежде не чувствовалась такая тяга к истории, к которой театрально апеллировал и Наполеон и которую надо было защищать от наполеоновской театральности.

В 1803 году в Петербурге вышла в свет книга под названием «Рассуждение о мире и войне. Российское сочинение».

В газете «Московские ведомости» рекомендовали ее как характерное современное сочинение.

«Сие рассуждение объемлет не общее токмо, но и частное благоустройство народов».

Появление такой книги расценивалось как характерный признак времени, не только потому, что все жили тогда между войной и миром, а потому, что в ней обозначился резко возрастающий интерес «к предметам важным», таким, как история и философия.

«Издание этой книги есть опыт укореняющегося в России просвещения и особенного наклона умов к предметам важным и внимания достойным», — говорилось в «Московских ведомостях».

В Москве, в университетской лавке, шла подписка на «Политический журнал, или Современную историю света» на 1803 год.

В журнале были следующие важные разделы: нынешнее состояние народного просвещения и учебных учреждений во Франции; могущество и политическое состояние Англии в ОстИндии: особые исторические черты; новая военная история; предложения о

посредничестве; известия о разных государствах, письма, всеобщее обозрение политических достопамятностей...

Газета оповещала читателей о выходе в свет каждого нового номера журнала «Вестник Европы» под редакцией Карамзина. Карамзин отличался от всех других своих современников особым складом ума, который можно назвать историческим разумением.

Не только в его журнале «Вестник Европы», но и в его альманахе «Аглая» печатались произведения, в которых говорилось о том, что наступает эпоха исторического самознания. Он как бы вызывал «на поприще» Музу Истории — Клио. Начиная издание «Вестника Европы», Карамзин стремился размежеваться с газетами. «Оставляя издателям «Ведомостей» сообщать в отрывках всякого рода политические новости, мы будем замечать только важные, — отмечал Карамзин. — «Вестник Европы» в продолжении своем может составить избранную библиотеку литературы и политики».

Когда в 1803 году он был назначен историографом, ему надлежало размежеваться и с журналами. Теперь он был поглощен работой над «Историей государства Российского». «Правители, Законодатели, — пишет Карамзин, — действуют по указанию Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватель — на чертеж морей...»

Может быть, именно поэтому Пушкин сравнивал Карамзина с Колумбом: «Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом».

Из своих «автобиографических записок» Пушкин сохранил лишь несколько страниц, и все они посвящены Карамзину.

Карамзин был провозвестником того историзма, который Пушкин воспринял как его великий завет:

...Глядит задумчивый певец На грозно спящий средь тумана Пустынный памятник тирана, Забвенью брошенный дворец — И слышит Клии страшный глас За сими страшными стенами...

7. СТАТУЯ ПЕРВОГО КОНСУЛА

Внимательные читатели «Московских ведомостей» по «отрывочным политическим новостям» могли составить достаточно подробную картину упорного движения Наполеона к единовластию.

24 марта 1804 года в Версаль прибыла госпожа Буонапарте, мать первого консула, в сопровождении отряда гусар и жандармов. «Она отказалась от всякого великолепия и остановилась в кофейном доме».

Зато не отказывался от всякого великолепия ее сын. В Провансе было учреждено ежегодное празднество 17 Вандомьера «в воспоминание возвращения туда в сей день Бонапарта из Египта». «В том самом месте, где он сошел на берег, воздвигнуты будут великолепные ворота».

Наполеон уже чувствовал себя хозяином своей судьбы. Поход в Египет был его неудачей, окончился поражением. Но это не мешало ему воздвигнуть в честь этого похода Триумфальные ворота.

«Положено в сей день ежегодно производить пушечную пальбу, давать разные увеселения и весь город — освещать».

Между тем разнеслась молва о том, что уже в Сенате обсуждается определение, по которому будто бы для блага Франции необходимо утвердить «непременное наследственное правление».

К Наполеону с разных сторон обращались с письмами и речами, убеждая его ввести «спасительную систему», соединить «без всяких ограничений» «судьбу свою с судьбой государства».

Первый консул стремился к неограниченной и к тому же наследственной власти, которая поставила бы его не только над республикой, но и наравне с коронованными особами Европы.

Происходила разительная перемена в характере Наполеона и образе правления самой Франции. Возвеличивали Жанну д'Арк, спасительницу дофина, короля Карла VII: «На днях прекрасно отлита здесь медная статуя Анны д'Арк, в 100 пуд, которая в 8 день мая в воспоминание об освобождении Орлеана торжественно выставлена будет в помянутом граде».

В то же самое время готовился монумент в честь Наполеона: «Статуя первого консула, которая должна быть поставлена в зале Законодательного [собрания] в следующем заседании, готовится ваятелем Шове из мрамора. На колоссальную сию статую надета будет токмо простая французская епанча».

Наполеон получал всё новые и новые приветствия и письма, «в коих обнаруживается желание о введении во Франции наследственного правления».

«Многие адреса, поднесенные первому Консулу в последние дни недели, — говорилось в «Московских ведомостях», — содержат в себе сравнение между им и Карлом Великим, чтоб убедить его принять на себя наследственное достоинство французского императора».

Как бы между прочим сообщается также, что генералы Мюрат, Дюрок и другие уже заказывают себе парадные кареты.

Уже известна была даже некоторая часть парадной церемонии провозглашения Наполеона императором.

«В публичных листах пишут, что первый консул, когда он провозглашен будет императором, приедет на некоторое время в Бельгию...»

«Говорят, — сообщает газета, — что 14 июля происходить будет присяга новоназначенному императору».

«По 15 депутатов из каждого Департамента Французской республики присягать будут в верности Буонапартию на так называемом Марсовом поле и примут от него равномерно присягу...»

Что касается коронования, то ради него Наполеон поедет не в Ахен, не в Реймс, но в Лион, куда приедет и сам Папа Римский.

Все эти события давались в газетах без особенных комментариев, но с той холодностью, в которой чувствуется пренебрежение к «разбойнику», захватившему чужой трон и надевающему на свою голову чужую корону.

Вместо комментария в московской газете было напечатано известие о Жорже Кадудале, который приехал в Париж с целью «учинить откровенною силою нападение на первого консула».

«Как он, так и многие его единомышленники имели намерение возвести Людовика XVIII на престол Французский».

Людовик XVIII был законным наследником престола в отличие от незаконного претендента Наполеона Бонапарта.

Можно сказать, что уже в те дни, когда Наполеон еще только мечтал о короне, и в те дни, когда он получил титул императора, в русской печати уже была провозглашена идея легитимной монархии, которая получит европейскую поддержку и признание после взятия Парижа и низложения Наполеона в 1815 году.

Наполеон и его имя не сходили со страниц московской печати с самого начала века. И русские читатели очень хорошо знали весь его путь к власти, весь ход его военных завоеваний в Европе задолго до того, как его армия вторглась в 1812 году в пределы России.

Статуя первого консула становилась символом и воплощением бонапартизма.

Между тем европейские державы одна за другой шли на поклон к Наполеону или подвергались с его стороны завоеванию.

Имя Наполеона было памятно Пушкину со дней его московского детства. И может быть, именно поэтому, вспоминая об Отечественной войне 1812 года, он испытывал благородное чувство исторического и национального самосознания:

...Нет, не пошла Москва моя К нему с повинной головою.

8. «ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ МЫСЛЯЩИХ ОСОБ»

1805 год начинался упованиями на мирную полосу в жизни народов Европы. В «Московских ведомостях» было напечатано стихотворение о «тишине»:

Молю, да всюду водворится Возлюбленная тишина...

Однако 1805 год стал годом ожесточенных сражений.

Шла заграничная кампания русской армии под командованием Александра I.

Русская армия действовала вместе с союзными войсками Австрии и Пруссии.

Ход кампании был неблагоприятным для союзников.

Неудачи начались с разгрома австрийской армии. «Доходящие сюда из Вены сведения подтверждают, к несчастью, что австрийская армия в Германии совершенно разбита и что можно почитать ее уничтоженной», — отмечали «Московские ведомости».

«Немногочисленный корпус, которому удалось спастись от гибели, присоединился к российской армии под командою генерала Голенищева-Кутузова...»

После этого «генералу Кутузову не оставалось другого средства, как только соединиться с армиею генерала Буксгевдена, избегая между тем всякого решительного действия с неприятелем, числом столь превосходящим...».

Кутузов сообщал Александру Павловичу, что в настоящих условиях «сохранение армии Российской есть единственный предмет».

Если судить по «Московским ведомостям», то общий взгляд Кутузова на сущность военных действий против Наполеона, который всегда стремился прежде всего разбить армию противника, будучи уверен, что все остальное рассыплется само собой, сложился уже во время заграничной кампании, когда он выводил свои полки из-под удара.

В сложных маневрах приходилось принимать неожиданные бои. И тут вся надежда была на солдат и их военачальников. «Вчерашнего числа... арьергард наш под командою князя Багратиона... атакован был сильным неприятельским корпусом под командою маршала Мюрата. Нападение неприятельское было так сильно, что должно было наших подкрепить резервным корпусом под командою генерал-майора Милорадовича».

Отпор неприятелю был сильным, что «делает честь российским войскам», как сообщал Кутузов.

В поле зрения московской газеты был весь театр сражений с Наполеоном.

В коалицию союзных войск входила и Англия. Газета подробно рассказывает о битве, которую дал адмирал Нельсон по выходе французского флота из Кадикса.

«Сей час обнаружено следующее донесение о бывшем между флотом адмирала Нельсона и флотом французским, вышедшим из Кадикса под начальством адмирала Вильнева, победоносном сражении. Сие донесение подписано адмиралом Коллингвудом, потому что адмирал Нельсон убит в сражении».

18 ноября Александр I прибыл в Ольмюц. Отсюда было уже недалеко до Аустерлица.

5 декабря произошла битва, которую Наполеон считал самой удачной во всей своей воинской истории. Ему тогда улыбнулось «солнце Аустерлица».

«Московские ведомости» ничего не пишут об этой битве, даже не упоминают самого названия — Аустерлиц.

Здесь говорится лишь о том, что «Государь Император подавал лично пример войску своему противу неприятеля, одушевлял оное собственным своим присутствием во всех опасностях».

За участие в битве при Аустерлице царь был награжден орденом Святого Георгия I степени.

Заграничная кампания оказалась неудачной. Раздумья поневоле охватывали многих.

«Теперешнее состояние государств на земном нашем шаре заслуживает внимания всех мыслящих особ», — говорилось в «Московских ведомостях».

Год, начинавшийся упованиями на мир, завершался в виду продолжающихся сражений.

«Почти вся Европа в войнах, на всех морях война...»

Это было время «третьей коалиции», когда имена русских и английских военачальников упоминались в одном славном ряду: «Как наш Кутузов иль Нельсон», — скажет Пушкин в набросках к «Евгению Онегину».

9. ФИЛОМЕЛА

Газеты писали обо всем, что было общественным или историческим явлением.

Сейчас, когда перелистываешь эти газеты, видишь, как много они знали, как много видели из того, что было вокруг!

Однако были и такие события, о которых газеты не писали, потому что эти события, столь заметные для потомков, для современников были еще как бы «под покровом».

В 1806 году к Пушкину пригласили учителей.

По обычаю того времени, их было столько, сколько нужно было для хорошего образования отрока. Он должен был учиться русскому, французскому и английскому языкам, а также Закону Божию.

И Пушкин учился всему, чему его учили приглашенные по выбору родителей учителя.

Но Пушкин принадлежал к тем творческим натурам, которые всегда ищут и находят еще учителей по своему доверию и выбору.

Таким учителем Пушкина со временем стал Василий Андреевич Жуковский,

Путь совершенствования и творчества, который должен был привести Жуковского на вершину поэтической славы, еще не был завершен. Но в 1805 году он уже написал свою элегию «Вечер», которая по своей музыкальности предсказывала пушкинскую лирику:

Уж вечер... облаков померкнули края;
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реки блестящая струя
С потухшим небом угасает,
Вес тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись па трапе под иной наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

И до Жуковского были в русской поэзии гениальные произведения.

Но таких стихов, если говорить об их внутренней гармоничности, не было.

Жуковский приготавливал почву для Пушкина, не ведая и не думая о нем.

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье Филомелы...

Эти стихи печатались в 1806 году в журнале «Вестник Европы». «Вечер» Жуковского был целой академией стиха, которую ничто не могло заменить для Пушкина.

В газетах тогда уже появлялись объявления о книгах, имевших целью научить искусству поэзии.

«Одна почтенная соотечественница наша, — сообщала газета «Московские ведомости», — любительница Муз и Аполлона, найдя недостаток на Российском языке в правилах для поэзии, решилась выбрать из превосходной и вообще в ученом свете одобряемой книги: начальные основания словесности аббата Бате, нужные для начинающих упражняться в стихотворении правила, и сделать сокращенный перевод тех частей, которые составляют сущность поэзии, К сему присовокупила она правила русского стихосложения, подкрепленные примерами из самых лучших русских писателей».

Сочинения Бате высоко ценил Державин, Но Пушкин принадлежал уже к другой эпохе. И ему нужны были другие правила и другие примеры, которых нельзя было найти в книгах, известных в ученом свете, но можно было случайно встретить в свежих журналах, как «Вечер» Жуковского.

В отношении поэзии газеты были гораздо архаичнее журналов. В «Московских ведомостях» печатались стихи, написанные лучше или хуже, но почти всегда в традициях старой торжественной оды времен Ермила Кострова и Василия Петрова.

Но в тех же газетах печатались известия о каждом новом номере журнала «Вестник Европы», который с 1808 года редактировал Жуковский. Здесь, а не в каком-нибудь другом издании Пушкин услышал этот незабываемый звук Филомелы, который завораживал его слух.

Чудесная метаморфоза, о которой повествовал еще Овидий, развязала коснеющий язык Филомелы, и она стала соловьем.

Когда Пушкин-лицеист впервые встретил Жуковского, он сказал ему: «Благослови, Поэт».

10. У ВРАТ ХРАМА ЯНУСА

Заграничная кампания, начавшаяся в 1805 году, завершилась в 1807 году подписанием мирного договора в Тильзите.

28 июля Александр I направил высочайший рескрипт на имя главнокомандующего в Москве и во всей ее губернии генерала от инфантерии и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина.

В рескрипте говорилось: «Упорная и кровопролитная между Россиею и Франциею война, в которой каждый шаг, каждое действие ознаменованы неустрашимую храбростью и мужеством войск Российских, заключенным 27 дня сего месяца миром, Богу благодарение, прекращена».

Многие тогда хотели надеяться, что мир этот будет длительным и прочным.

«Восстановлено блаженное спокойствие, — пишет Александр I, — неприкосновенность и безопасность границ Российских охранена новым приращением, и Россия тем обязана геройским единственно подвигам, неутомимым трудам и рвению, с которым храбрые ее сыны на все бедствия и на самую смерть бесстрашно стремились».

Пока длилась заграничная кампания, вся Россия издали следила за ее драматическими событиями.

Что-то тревожное и недосказанное было в сообщениях о битвах при Фриланде или Аустерлице.

И вот наконец кампания была окончена.

Александр спешил уведомить об этом соотечественников.

«Я спешу о сем благополучном происшествии вас уведомить, — пишет Александр Тутолмину, — для извещения во всем начальстве вашем, пребывая вам всегда благосклонный...»

Как будто он почувствовал ту великую роль, которую предстояло в будущем сыграть Москве в общей великой борьбе с Наполеоном.

В «Московских ведомостях» появились «стихи на случай» — оды безвестных московских поэтов на мир в Тильзите.

Стихи эти показывают общий, доступный уже для всех, уровень поэзии времен пушкинского младенчества:

Утих — напастями грозивший,
Тебя ко брани ополчивший,
Утих — рушитель мирных дней,
И силою Твоей чудесной
И действием благодати Небесной
Преображен в собор друзей...

Риторика торжественной оды не могла скрыть тревожных чувств, владевших современниками.

Но мир есть мир.

И в Москве его торжествовали от всей души, по всему городу и окрестным селам.

7 июля заключение мира возвестили в 7 часов утра пушечным салютом.

В 9 часов утра началась во всех соборах, монастырях и церквах Божественная литургия.

Сквозь редкий солнечный московский дождик плыл колокольный звон.

«Колокольный звон продолжался во весь день при всех соборах, монастырях и церквах».

Вечеру перед домом Тутомлина зажглась иллюминация «с картиною в щите, изображающей затворенный Янусов храм — перед портиком которого будут видны две фигуры, представляющие Россию и Францию».

9 июля началось гулянье на бульваре, который на всем протяжении от Никитских до Петровских ворот был иллюминирован аллегорическими картинами. «Вокальная и инструментальная музыка была расставлена и играла в разных местах бульвара».

11 июля было объявлено гулянье на Пресненских прудах, которое, «сверх огромной в продолжении оною музыки и великолепного освещения, окончится фейерверком на воде».

12 июля началось гулянье во Дворцовом саду «с музыкаю, в разных местах поставленною с освещением при наступлении ночи».

Пушкин летом жил в Захарове, но и там до слуха будущего поэта долетали отзвуки торжественных колоколов Тильзитского мира.

Античное предание гласит, что в дни мира ворота храма Януса затворялись.

Если воспользоваться этой метафорой, то можно сказать, что в 1807 году ворота храма Януса были затворены неплотно.

11. «РИНАЛЬДО РИНАЛЬДИНИ»

Когда в 1808 году Пушкин открыл для себя отцовскую библиотеку, он стал книгочеем скорее «пожирившим», нежели читавшим новые и старые книги.

Однако было бы, наверное, большим упрощением думать, что он читал одни только классические произведения. И новинки книжного рынка, о которых «кричали» газеты, не могли не привлекать его внимания.

Пристрастия живого сегодняшнего чтения всегда спорят с «бесстрастием» «печного отбора» классической библиотеки.

Но есть книги, которые, не будучи произведениями классической словесности, входят в историю литературы, потому что замечательно точно, именем ли автора или своим названием, обозначают целую эпоху.

Например, «Лолота и Фанфан».

Имя автора этой книги почти совсем забыто ныне, а название романа мелькает во всех историях русской литературы, потому что о достоинствах его перевода на русский язык сам Шишков спорил с карамзинистами.

Шишков упрекал молодых писателей в том, что они увлекаются новомодными речениями, почерпнутыми во французской литературе.

Ему не нравилось, что молодые писатели «вместо Машенька и Петруша, премилые дети, тут же с нами сидят и играют» пишут: «Лолота и Фанфан, благороднейшая чета, гармонируют нам...»

Шишкову незачем было называть имя автора — его тогда знали все. Газета «Московские ведомости» пишет: «Дюкредюмиль, автор «Лолоты и Фанфана», «Алексиса» и «Домика в лесу», предлагает читателям новое сочинение «Виктор, или Дитя в лесу»...»

«Лолота и Фанфан» действительно была одной из историко-литературных достопримечательностей эпохи французского сентиментализма. Так же, как ее автор Франсуа Дюкре-Дюмениль (Ducray-Dumenil).

И не случайно возникло под пером такого критика, каким был Шишков, название его книги «Лолота и Фанфан». Он мог выбрать какого-нибудь другого автора, но он выбрал именно «Дюкредюмиля», потому что это имя принадлежало целой эпохе в истории литературы.

Да, есть такие книги, которые не вышли за пределы своей эпохи, но в этих пределах они были очень знамениты.

Например, «Ринальдо Ринальдини».

Не было в дни пушкинского детства такого грамотного подростка, который бы не читал приключений знаменитого Ринальдо.

Да что говорить о подростках! И взрослые зачитывались этим приключенческим романом без различия сословий и состояний.

Можно сказать, что автор «Ринальдо Ринальдини» был в свое время позnamenитее самого Гете.

«Ринальдо Ринальдини, или Разбойничий атаман» — это исторический роман осьмого-надесят столетия», как его рекомендовали в газете «Московские ведомости», — был большим по объему.

Продолжительное чтение — 5 частей и «с картинами»!

«Роман сей имел в Германии отменное счастье понравиться публике так, что в короткое время вышли уже три издания онога».

И вот что замечательно: успеху романа не могли помешать критические замечания «серьезных критиков». Это был один из примеров того «массового успеха», который всегда составлял некоторую загадку для эстетически разборчивых критиков.

«В короткое время, — пишет газета, — вышли уже три издания онога, несмотря на то, что разные критические немецкие журналы вооружались против него, а особливо против сюжета, автором избранного и обработанного совсем в оригинальном вкусе».

Отмечает газета и замечательное равнодушие автора к суждениям критики. «Автор и издатель молчали, а число читателей сей книги увеличивалось...»

В характере Ринальдо есть некоторые легендарные черты, которые привлекают к роману внимание читателей. В книге «описана повесть Ринальдиния, коего имя прославляется в песнях и романсах по всей Италии, и коего дела повествуются ежедневно тихими обывателями сей прелестной страны, начиная от Апеннинских гор до Сицилийских долин». В чем же состояла привлекательность «Ринальдо Ринальдини»? «Избранный автором особый род предложения, занимательность повествования, помещенные при приличных местах романсы и нежные стихотворения — все сие заставляет книгу сию читать с приятностью и удовольствием».

Пушкин помнил эту книгу с детских лет, и самое название ее было для него синонимом «знаменитого исторического романа», который читают все: и взрослые, и дети.

Автором романа был Христиан Август Вульпиус (Vulpinus). Он и сам тогда был знаменитым, как Ринальдо Ринальдини.

И когда Пушкин взялся, уже в зрелые годы, за историю Дубровского, он вспомнил не какую-нибудь другую книгу, а именно «Ринальдо Ринальдини»: «Куда же девался наш Ринальдо?» — спрашивает Верейский.

12. НА МЯСНИЦКОЙ

4 декабря 1809 года московский главнокомандующий граф Иван Васильевич Гудович получил письмо от государя Александра I.

«По отличному уважению моему к древней Российской Столице, — говорилось в рескрипте царя, — я всегда желал, сколь можно чаще посещать ее. Разные обстоятельства и положение дел политических, призывавших внимание мое на другие предметы, доселе были сему препятствием...»

Письмо было тотчас же отдано в «Московские ведомости».

Напечатание письма было предуведомлением жителям Москвы о скором прибытии в столицу Александра I.

И действительно, 6 декабря, в понедельник, Александр I приехал из Твери в Москву.

Гудович встретил его на даче князя Барятинского вблизи Петровского дворца в 9 часов утра.

Государя сопровождали его сестра великая княгиня Екатерина Павловна и ее супруг принц Георгий Гольштейн-Ольденбургский, а также военный министр А. А. Аракчеев и другие приближенные.

После краткого отдыха царь «отправиться изволил в Москву в открытых санях».

Это было медлительное и пышное шествие, собиравшее по обеим сторонам дороги толпы народа.

За полверсты до заставы государь оставил сани и сел верхом на коня.

Пересели в седла и принц Ольденбургский, военный министр Аракчеев и генерал Гудович.

Великая княгиня Екатерина Павловна «изволила иметь шествие в парадной придворной карете, запряженной в шесть лошадей».

«Начиная от Петровского дворца до Кремля, а оттуда до самого Слободского дворца, поле и улицы покрыты были народом».

Непрестанно повторялись восклицания «ура!».

Палили праздничные пушки в ознаменование въезда государя в древнюю русскую столицу. Колокольный звон сопровождал пышное шествие на всем пути Александра в этот зимний день.

Только в час дня пополудни государь прибыл в Кремль и вошел в Успенский собор, где его ждал и встретил митрополит Московский и Коломенский Платон.

В соборе Александр I повелел военному министру графу Аракчееву читать донесение, полученное с фронта.

Шла война с Турцией. Командующий молдавской армией генерал Багратион сообщал о взятии русскими войсками турецкой крепости Браилов.

«Имею счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому величеству, — пишет Багратион, — что крепость Браилов сего ноября 21 дня сдалась...»

«Два батальона, — продолжал читать Аракчеев в Успенском соборе, — в числе 1000 человек под начальством генерал-майора Колюбакина в тот же день вступили в крепость».

В Успенском соборе был совершен молебен.

«Из Собора, — сообщает газета, — Его Императорское Величество изволило иметь тем же порядком шествие в Слободской дворец, при продолжении пушечной пальбы и колокольного при всех церквах здешней столицы звона».

Вечером в 8-м часу Александр I в сопровождении своей свиты посетил театр, на котором придворные актеры представляли русскую пьесу «Старинные святки» и балет.

Всюду, где бы ни был Александр I в этот день, он видел перед собою «стечение многолюднейшего общества».

Если бы он мог разглядеть каждого в лицо, он увидел бы и десятилетнего мальчика Пушкина на высоком крыльце церкви св. Николы на Мясницкой.

Много лет спустя Пушкин напишет в своих записках:

«В 1810 году я в первый раз увидел государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которым должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо. Наконец показалась толпа генералов, едущих верхами. Государь был между ними.

Подъехав к церкви он один перекрестился — и по сему народ узнал своего государя». Поразительный эпизод на фоне газетной хроники того времени кажется выхваченным из летописи.

В одном только Пушкин ошибся. Это было не в 1810, а в 1809 году, 6 декабря.

Пестрые всадники, промчавшиеся мимо, уносили воображение Пушкина туда — в Петербург, куда он и уехал в 1811 году.

13. ВОЗДУШНЫЙ ШАР

В 1810 году в «Московских ведомостях» печатались афиши с продолжением — редкий случай в журналистике: объявление о необычном аттракционе в Нескучном саду.

«Воздушное путешествие!» — гласило название первой афиши.

«Воздушное путешествие и аэростатические опыты в воскресенье 29 апреля в 5 часов в саду Нескучном, принадлежащем г-ну Надворному советнику Василию Николаевичу Зубову».

Воздухоплаватель, «ободренный доверенностью и благосклонностью к нему почтенной публики», обещал «учинить сие новое воздушное путешествие столько интересным, сколько оно таковым быть может».

Трудно было бы вообразить все это замечательное предприятие, если бы на афише не было изображения самого летательного аппарата.

А на афише нарисован большой воздушный шар, поднимающий над землей на стропах деревянный парусный корабль, в котором размещается «команда» из шести человек.

Воздушный шар, подгоняемый ветром, плывет в небе, а на корабле ставится парус на мачте.

Поворотом паруса можно изменить движение корабля.

А чтобы шар при резком порыве ветра не улетел, его придерживает канат, закрепленный на земле. Но это еще не все, Воздушный шар сам по себе не был уже новинкой.

Еще в начале 80-х годов в Париже братья Монгольфье летали по воздуху в корзиночке, привязанной к шару, наполненному горячим газом.

И в Москве уже хорошо знали и не раз видели полеты на «воздушном шаре Монгольфье».

Но аэронавт Робертсон в Нескучном саду придумал целый спектакль, который своей новизной привлек внимание жителей великой столицы. Он демонстрировал парашют.

Трудно было бы представить его конструкцию по описанию, но на афише есть рисунок.

Парашют представлял собою легкую конструкцию в виде зонтика со стропами, которые собираются внизу, на деревянной подставке.

На этой подставке и стоит аэронавт, держась за «мачту» зонтика.

Праздник начинался подъемом желающих на воздушном шаре, придерживаемом канатом.

Воздушный шар поднимался довольно высоко, если в афише сказано, что он «будет виден из города».

Праздник должен был завершиться полетом Робертсона, который приглашал «в сотоварищи» того, кто мог бы заплатить половину денег, нужных на газ.

В следующем выпуске газеты сообщалось, что 29 апреля был сильный ветер, который препятствовал успеху аэронавта.

Зато на 20 мая были объявлены новые опыты.

Один из учеников Робертсона поднялся до «знатной высоты» и «пистолетным выстрелом перерубил канат».

Затем он прыгнул с двойным парашютом: одна чаша была над головой, а другая — под ногами.

Совершая некоторые маневры парашютом, он некоторое время парил в воздухе над толпой Нескучного сада.

И при этом играл на валторне.

«Двойной парашют, — сообщала газета, — доведен до такого совершенства, что, имея его немного распущенный, можно с ним без всякой опасности во время пожара спуститься с башни или из высокого дома...»

Видел ли Пушкин московский «шар Монгольфье» — диковинку нового, XIX века, уже поднимающуюся над Нескучным садом, но еще придерживаемую с земли Канатом?

Это было в последний год его пребывания в Москве.

14. «МОСКВА, Я ДУМАЛ О ТЕБЕ»

В августе 1810 года «Московские ведомости» напечатали обширное объявление о лекциях на этико-политическом, физико-математическом и врачебном отделениях Московского университета, с поименным перечнем профессоров и указанием курсов, которые они читают.

Те же профессора вели занятия и в Благородном пансионе, куда принимали юношей из дворянских семей, где учились будущие друзья Пушкина: Жуковский, Александр и Николай Тургеневы.

Можно предположить, что Пушкин, если бы он остался в Москве, возможно, стал бы учеником того же самого университетского Благородного пансиона.

Но судьба складывалась иначе. В одном из своих рескриптов 1810 года Александр Павлович говорил: «В Манифесте об учреждении Государственного Совета, в 1 день января с. г. изданном, постановлено между прочим, чтоб устройство министерств, ныне существующее, довершить разными дополнениями, кои, по опыту прошлых лет, признаны необходимыми...»

Одним из косвенных результатов этого постановления и было учреждение Лицея в Петербурге для приготовления к государственной деятельности юношей из благородных семей.

Проект Лицея был составлен тем же М. М. Сперанским, который был автором проекта Государственного совета.

12 августа государь подписал указ о Лицее.

В 1811 году Александр Пушкин, покровительствуемый своим дядей Василием Львовичем Пушкиным, покинул Москву и уехал в Петербург.

Здесь его ждали великие дела.

Но детство, московское детство Пушкина, было окончено.

Перед ним была северная столица — и вся жизнь впереди. И сколько раз и наяву, и в творческих мечтах воображения возвращается он в свой родной город:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

30 окт. 1988 г.

Публикация Е. БАБАЕВОЙ